

На крыльцо вышел громадина-норег. Облокотился на перила своими гигантскими лапищами, щурясь от утреннего солнышка, как вредный дворцовый кот. Он с вялым любопытством наблюдал за происходящим. Следом вышла сеница девка с кринкой молока – протянула посаднику.

- Каково это? – раздалось за спиной у Лиса после очередной отраженной атаки парней. Обернулся. Окунь, тот самый отрок со стены, тряхнул кудрями – вниз полетели капли пота.

- Что? – не понял боярин. Он давно уже был в своих мыслях, отбивая удары нападавших на него отроков с досадной для тех легкостью, ровно делал опостылевшую, привычную работу и не следил за разговорами.

- Каково это – встречаться в смертном поединке с лучшим воином врага? – отрок улыбнулся шире. Глаза всех без исключения присутствующих скрестились на Лисославе. У кого-то – с живейшим любопытством, у кого-то – с потаенной насмешкой. Последних (все без исключения – отроки) он не винил – молодые волки растут быстро. Им хочется знать свои возможности, хочется опробовать свою силу и узнать, действительно ли старые волки так сильны, как о них говорят. Чего тут не понять? Сам таким был в их возрасте.

- Страшно, - честно признался боярин, отчего у присутствующих отроков лица скривились так, будто надкусили что-то прокисшее.

- Страшно? – не поверил Окунь, не ожидавший подобного ответа. – Как такое может быть? Ты ведь всем известный поединщик! О тебе говорили, что тебе неведом страх!

- Неведом страх лишь глупцу или мертвецу, - покачал головой старый витязь. – И я не горю желанием оказаться в их рядах.

- Хочу быть лучшим на мечах, - поделился Окунь, махнув тяжелым тренировочным дрыном так быстро, что глаз едва заметил. – Здесь среди них – я сильнейший.

Он небрежно кивнул в сторону остальных отроков. Те нестройно подтвердили сказанное.

- У тебя ловко все получается, - одобрительно прогудел десятник. С этим было сложно спорить – он сам видел, как отрок в одиночку противостоял сразу двум своим товарищам – и вполне успешно. Такому недалеко и до заветного пояса гридня.

- Я хочу убить Вольга, - учебный меч свистнул в воздухе, когда он повернул руку с ним.

- Увидишь его в бою – бей из лука, аль сулицей, - посоветовал боярин. – И вполне может статься, что кто-то из вас добьется успеха.

- Я хотел бы взять его мечом, - тяжелый учебный щит полетел на землю. Окунь протянул руку, и один из отроков подал ему еще один тренировочный меч. – Хотел бы одолеть его в поединке.

- Не стоит, - Лис покачал головой. – Вольг и до Великой Замятни был лучшим из молодых на мечах. Во время ее набрался опыта и ярой мощи, заматерев на крови поверженных. Теперь же он – отродье Кромки, а значит – в сотню раз опаснее, чем был когда-либо.

- И что? Мне его не одолеть? – криво усмехнулся отрок. Похоже – не поверил. – Ведь говорят: всегда есть возможность одолеть!

- Если он будет крепко спать безоружным.

Окунь презрительно фыркнул – точно не поверил и не внял.

- Ну вот есть ты – известный поединщик из Турова, - он показал концом меча в грудь Лису. – Покажи мне, как сражаются в поединке такие, как ты?

- Незачем тебе покудова, - покачал головой десятник. – Все, что нужно знать, тебе показано. Оттачивай, что знаешь, крепи руку. И этого будет довольно, чтобы не сгинуть в бою по глупости.

- Я хочу быть поединщиком, - заупрямился Окунь. – Сойдись со мной на мечах?!

- Сказано тебе: не нужно сие.

- Еще как нужно! – звонко возразил молодой и завертел обоими тяжелыми учебными клинками так, что воздух загудел. – Для чего еще готовиться, ежели нельзя спытать себя?

К их разговору, кажется, теперь прислушались все присутствующие: вон на перила терема облокотился посадник Вех, слуги посадника, забыв о делах, тоже уставились на них. Вышел на воздух посмурневший Лесобор. Гигант-норег спустился с крыльца поближе – на его широком, неприятном лице играла грубая усмешка.

- Если я желаю одолеть на мечях Вольга, то мне необходимо знать, каково это – схватиться с опасным поединщиком, - продолжил настаивать Окунь. Он кивнул одному из отроков, и тот быстро протянул второй меч боярину. – Не прими за дерзость, боярин. Спытай меня в полную силу?!

- Не все и не каждый возраст для поединка богатырей подойдет, - десятник скептически оглядел фигуру парня: не по годам крепок, плечи вразлет, длинные руки, но не было еще в нем нужной крепости. Любой ратный из дружины – это крепкая ветвь монолитной плотины! Той, что единым усилием всех, может реку вспять опрокинуть! Но поединщик – это каменный валун посередь деревьев – крепче и весомее остальных.

- Приголубь его Лис, раз так просит, - усмехнулся Вех на его вопросительный взгляд. – Уж больно нагл стал в последнее время – на пользу будет. Токмо не убей дурака. Может позже с него чего путное и выйдет.

Отрок все еще ухмылялся: он видел, как ловко старый боярин отбивал чужие удары щитом – ничуть не хуже, чем он это сделал бы сам. Без лишней дерготни, экономя силы. Что ж – в его возрасте, пожалуй, это разумно. Не то, что он! Устает – долго, восстанавливается – быстро. Крепок и силен боярин, хотя он, Окунь, уверен, что его молодые мускулы покрепче будут. Крепки удары его? Так и его – неслабы! А раз руки достаточно крепки, чтобы держать удары старого витязя, уж в резвости и выносливости – молодость всегда одолеет!

- Уважь, боярин – не жалея меня, - вновь уверенно улыбнулся ему отрок. – Но и сам поберегись – я тоже могу крепко приложить. Я не так слаб, как ты думаешь.

- Дай ему по заднице, Лис, - фыркнул, вечно вертящийся рядом волколак. – Ишь как просит?

- Только не жалея! – вновь предупредил Окунь. – В полную силу чтоб.

- Ну что ж, - у десятника едва заметно дрогнуло веко, когда он отложил свой учебный щит, принимая второй меч. Это не ушло от внимания отрока, стоявшего к нему лицом. Что-то еле заметно неумолимо изменилось в боярине: он не стал выше ростом, не показал какого-то особого волнения, хотя у самого отрока сердце забилося с такой скоростью, разгоняя кровь по мускулам, что сейчас, пожалуй, он смог бы заметить и отразить мечом летящую в него стрелу. Старый десятник наоборот как-то хищно сгорбился, а его плечи тугими каменными валунами натянули заскрипевшую кожаную

куртку. Лицо боярина, приветливое и доброжелательное, резко поменялось, а глаза стали пустыми, голодными. Когда отрок взглянул в них, как в щель в заборе, то ему помстилось, что через них, как сквозь зеркало, он увидел хищный взгляд барса, изготовившегося к прыжку. Заметил, и первый холодок прошел по телу – легко дразнить хищника через клетку, на безопасном расстоянии, кичась храбростью, но стоит оказаться с ним в одной клетке – и у большинства храбрость волшебным образом улетучивается.

Все это отрок успел заметить и подумать в одно мгновение. А потом...

- Готов? – еще уточнил боярин.

Окунь, все еще пытаясь сосредоточиться, кивнул, стараясь не упустить ни одного движения супротивника. И опоздал. Он не успел и мечом повести в сторону предполагаемой атаки боярина, как тот оказался рядом одним стремительным шажищем и совсем не с той стороны, где отрок предполагал его увидеть. Один из мечей десятника уже опускался на него, когда отрок, прикрывшись своими, попытался отпрыгнуть в сторону. Как оказалось, он ошибался и в том, что его мускулам под силу сдерживать удары старика: хлесткий, с продергом, удар с левой отбросил оба его меча в сторону как тростинки! С такой силой, что мышцы, связки и кости затрещали. Его потрясло от кончиков пальцев, до самого плеча, но второй удар – справа в открывшуюся брешь - ожег его плечо так, что он едва не сел на задницу. Впрочем, его задницу, все еще не поймавшую равновесие от стремительной атаки, тоже ожгло ударом. Падая, сшибленный с ног тяжелым ударом плеча боярина, отрок со стыдом осознал, что, несмотря на все его просьбы, боярин все же пожалел его, действительно глупого отрока. Потому как бил его не ребром клинка, а лишь плашмя – знал, что при такой своей силище запросто мог переломать кости и даже убить пусть тупым, но тяжелым учебным мечом.

Удар о землю выбил весь воздух из легких, а с ним всю спесь и самоуверенность. Он сжался в ожидании удара, но его не было. Ребра сводило болью при каждом вдохе, плечо горело, левая рука стала чужой. Пальцы на ней все никак не хотели размыкаться на судорожно сжатой рукояти меча, и ему пришлось разжимать их пальцами правой. Сама левая ладонь была в ссадинах и кровоточила, а его самого всего трясло от слабости и унижения. Боль от ушибов была ничем в сравнении с болью от потрясения от собственной беспомощности в сравнении со старым витязем. Он не смел поднять глаза на боярина. Еще несколько мгновений назад он в

самоуверенной гордыне почитал себя в состоянии хоть как-то посоперничать с ним на клинках!

- Ну? – услышал он вполне добродушное совсем рядом. – На сегодня, пожалуй, хватит? Мои поздравления: попервой ты держался достойно.

Окунь неверяще поднял глаза, Лис был рядом и добродушно протягивал ему руку. Пару мгновений жгучая обида, граничащая с ненавистью за унижение, давили глотку так, что он не мог даже выдохнуть, но преодолев себя, он протянул руку навстречу. В конце концов боярин ни в чем перед ним не виноват – он сам просил о пробном поединке.

- Да что там, - стушевался побитый, смиряясь, принимая помощь и поднимаясь. – Я не простоял и краткое время.

- Общий бой – это одно. Поединок насмерть – это совсем другое. Далеко не все рождены для поединков, - наставительно поделился боярин. – Я, будучи отроком и решивши спытать себя против опытного витязя-поединщика, вообще не понял, как оказался на земле. Ты хоть попытался защититься.

- Мало проку мне было с той защиты, - горько отметил отрок, все еще страдая душою, потрясенный случившимся.

- Иногда полезно избавляться от заблуждений, - лицо Лиса стало серьезным. – Может, через десяток лет и станешь толковым витязем. Пока о поединках в поле и думать забудь. Мой тебе совет: ежели увидишь Вольга на расстоянии десятка шагов, пусть даже в человеческом облики – беги. От этого потом, быть может, будет больше толку, чем от глупой, быстрой смерти под его мечом. Оставь его мне, аль немцам.

Кто-то громко хлопал в ладоши – то норег шел к нему с широченной улыбкой на некрасивой, волосатой роже. Оттар никогда Лису не нравился, хотя, это стоило признавать, служил он Веху верой и правдой. Гигант остановился совсем близко и громко поздравил, отметив, что сопливые нахалы поставлены на место. В это время от Окуня уже и след простыл – он уковывлял на нетвердых ногах до дружинного лекаря.

Норег нагнулся к боярину – так, чтоб их лица были на одном уровне – северянин был чудовищно здоров, почти на две головы выше рослого десятника.

- Теперь я знаю, как ты убил Геллира, маленький боярин, - сказал нурман так, чтобы услышал только Лис. – Ты быстр и точен, а Геллир видел в тебе только то, что видел до этого момента и я. А потому не воспринял всерьез.

- Оставь свои похвалы и загадки при себе, норег, - Лисослав смотрел без страха в маленькие свинячьи глазки северянина. – Если желаешь что-то сказать – говори, не тяни чертей за хвост. Я не понимаю, к чему ты клонишь?

- Я поясню, быстрый маленький боярин, - добродушно, как старому другу, ухмыльнулся нурман. – Геллир-ярл был моим дядей. Я ходил с ним в вики много весен подряд, пока не попал под знамя Виги-ярла. Когда я спрашивал у уцелевших под Лиственном хирдманов, от чьей руки он пал, все как один говорили: от воина, на шлеме которого был лисий хвост.

Все сложилось. Память услужливо подсунула картинку из воспоминаний: беловолосый здоровяк с двуручной секирой, шлем с дорогой золотой насечкой. И копье, пробившее глотку врагу. Боярин повнимательнее взгляделся в ухмыляющееся лицо Оттара: несмотря на серьезные различия во внешности, тот был действительно чем-то неуловимо похож на убитого.

- Вспомнил, - довольно кивнул норег.

- Вроде как, - подтвердил Лисослав, не отводя глаз от взгляда норманна. - И что же - на хольмганг*¹ меня вызовешь?

- Ну что ты, - заверил его северянин. – Разве можно? Мы же на одной стороне, быстрый маленький боярин. Твоя смерть – это моя смерть, а я пока не рвусь в Вальхаллу. Ты еще пригодишься здесь. Пока.

Развернулся и ушел. Это «пока» должно бы напугать, по крайней мере, насторожить, удивить, но боярин после вчерашнего внезапно «воскресшего» Вольга такому повороту событий не удивился. *«Прошлое идет за тобой по пятам и скоро достигнет там, где и не ведаешь»*. Клятый призрак, в клятый раз, оказался прав. Это становилось обыденным.

¹ Хольмганг – поединок, о правилах которого договаривались, как правило, непосредственно перед боем (например, о том, сколько раз допускается менять пробитый щит). Смерть на хольмганге не считалось убийством. Хольмганг нередко служил способом обогащения для берсерков. В IX—X веках он фактически приобрёл форму узаконенного разбоя: опытному воину достаточно было заявить притязания на собственность либо женщину другого, чтобы обязать противника к вступлению в поединок. Отказ от поединка навлекал на уклонившегося социальную стигму — объявление нидингом, что обычно было равнозначно статусу презираемого изгоя.